

«Толстой – совесть России...»

(А. В. Жиркевич)

А. В. Жиркевич,
1996 г. 1880 г. А. Толстой

Во время Севастопольской кампании (1853–1856) почти 11 месяцев Толстой принимал участие в боевых действиях. Когда в 1856 году он возвращается с позиций в Петербург, то знакомится со всеми знаменитыми писателями, группировавшимися вокруг «Современника»: Тургеневым, Григоровичем, Некрасовым, Гончаровым, Салтыковым-Щедриным. Его принимают с распростёртыми объятиями, но, отдавая дань незаурядному таланту, относятся всё же несколько свысока... Ведь почти все они имеют высшее образование. А то и не одно... Пройдёт несколько лет и Толстой перерастёт всех по образованности, по глубине проникновения в жизнь. Он будет знать 13 языков, в том числе арабский и турецкий. В трактате «Что такое искусство?» разбирает труды многих философов, в том числе средневековых, которых читает в подлинниках. Уже в молодые годы его интересуют проблемы крестьянских детей. Он создаёт свою систему обучения и азбуку, организует школу (спустя много лет ученики этой школы вспоминали, что не расставались со Львом Николаевичем до ночи, так было интересно). Во время реформы 1861 года принимает участие в наделении крестьян землёй, выступает как мировой посредник и несколько раз в суде защитником.

В 1862 г. он женится на Софье Андреевне Берс. Лев Николаевич получил любящую и преданную жену, заботливую мать, помощницу и переписчицу его произведений, издательницу, рачительную хозяйку. Сама Софья Андреевна обладала многими талантами: писала стихи и прозу, прекрасно рисовала, музицировала, великолепно шила. Кто-то насчитал «девятнадцать» талантов у жены Толстого...

Но вернёмся к «ночи арзамасского ужаса». Пережив потрясение, Толстой постепенно всё более и более отходит от привычного образа жизни. Взяв в руки Евангелие, он как за со-

ломинку хватается за него, изучая уже не по школьному, и обретает в нём спасение. Многие он видит свежим взглядом... Его сподвижник П. И. Бирюков, первый его биограф, считал, что литературная деятельность Толстого делится на две равные по значимости половины. В одной – создание высокохудожественных всем известных произведений, в другой – не менее значимых произведений на духовные темы. «Исповедь», «В чём моя вера», «О жизни», «Царство Божие внутри вас»... С редкой искренностью, доверительностью и огромной силой убедительности, Лев Николаевич делится с читателем, как с близким другом и единомышленником, своим прочтением Евангелия, своими открытиями и сомнениями. И многие находят для себя близкими те же мысли и те же сомнения, что мучают и Льва Николаевича, многие видят высоту его нравственной планки, которую Толстой обозначил в своих книгах.

Именно с начала 80-х годов в Ясную Поляну хлынул поток посетителей. В Государственном музее Л. Н. Толстого хранится 50 тысяч писем от русских корреспондентов, 20 тысяч от иностранных и 11 тысяч ответов Толстого на эти письма, и это, вероятно, лишь часть сохранившегося эпистолярного наследия. Почему же именно к Толстому поехали и пошли толпы паломников (ведь евангельские заветы существуют две тысячи лет)? Может быть, и потому, что Лев Николаевич так доверительно и искренне делился в своих книгах с читателем своими исканиями, сомнениями и открытиями, да так, будто каждый читатель – его друг и единомышленник, и каждое слово обращено лично к нему, его читателю, – и пошли к Толстому сотни людей из разных краёв земли. Писали,

исповедовались, спрашивали: как жить, чтобы согласовать свою жизнь с совестью...

Тогда же, в 80-х годах он отказывается от собственности, выдав доверенность на ведение всех хозяйственных дел Софье Андреевне, а в 90-е годы оформляет официально раздел всего имущества между детьми и женой (к этому времени в семье восемь детей; ещё пятеро умерли в младенчестве). И, оставаясь, жить в Ясной Поляне, он больше не владеет никаким имуществом. Затем приходит стыд, что его литературные источники приносят доход и этим портятся дети, и он решает отказаться от прав на свои литературные произведения, разрешая печатать их любым издателям, не спрашивая его согласия.

С начала 80-х годов начинается противостояние между Софьей Андреевной и Львом Николаевичем. И до сих пор не утихают страсти по этому поводу... Кто-то становится на сторону Толстого,

в смягчённом виде выходили в журналах.

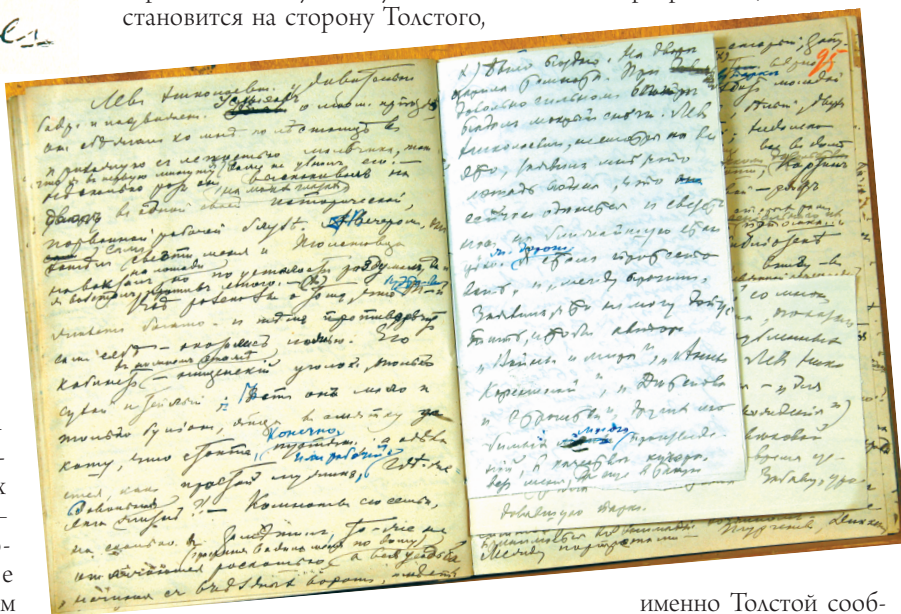
Оголоде Толстой узнал от старинного своего приятеля И. И. Раевского, первого принявшего личные меры по спасению людей. Он пригласил Толстого приехать к нему в Бегичёвку, посмотреть, чем можно помочь людям в беде. А Льву Николаевичу, в это время увлечённому евангельской идеей «возлюби ближнего, как самого себя», казалось, что без всяких учреждений богатый поможет бедному (иначе и быть не может!), и так всё само собой образуется... И только после настойчивого приглашения Раевского, Лев Николаевич приехал в Бегичёвку, проехал по соседним деревням, схватился за голову, поняв необходимость реальной помощи. И здесь начинается более чем двухлетняя титаническая работа по устройству столовых, медицинской помощи, образовательной программы (кстати,

ходом сказанное им слово полностью отражает его истинное мнение или убеждение. «Очень прошу моих друзей, собирающих мои записки, письма, записывающих мои слова, – читаем мы в дневнике Толстого от 25 августа 1909 года, – не приписывать никакого значения тому, что мною сознательно не отдано в печать... Всякий человек бывает слаб и высказывает прямо глупости, а их запишут и потом носят с ними, как с самым важным авторитетом» (ПСС. Т. 57, с. 124). И действительно, сказанное Толстым иногда относилось не ко всему творчеству писателя, а к какому-нибудь отдельному его произведению, к отдельной черте характера или к единичному эпизоду его жизни. <...> О Тургеневе Гусев записал услышанное от Толстого: «Самый пустой писатель... Содержания у него никакого не было...», и эти слова тоже скорее случайная реплика. Письма Толстого и воспоминания многих современников свидетельствуют о том, как высоко Толстой ценил автора «Записок охотника», как много он почерпнул от него. «Тургенев я всегда любил», – записал с его слов Д. П. Маковицкий. <...> После идейного перелома 1880-х годов Толстой часто упрекал своих современников в «безверии», в «ложном мирозерцании», в «отсутствии содержания», то есть в отсутствии в их творчестве того религиозно-нравственного миропонимания, без которого, по его мнению, невозможно подлинное высокое искусство». Можно добавить ещё: Толстой ругает Мопассана, а сам восхищается его «Жизнью», ругает Золя, а вместе с тем находит, что никто не сумел показать так французского крестьянина, как он.

Как и многие, начинающие новое дело, бывают часто категоричны в своих открытиях, убеждениях, не избежал этого и Лев Николаевич. Но чем дальше шло время, тем более он становился терпимым, и к разным степеням религиозности других людей, понимая, что у каждого своя планка... Когда его сестра Мария Николаевна ушла в монастырь, Толстой посмеивался, называя её «одной из семисот дур» (слова эти вышиты Марией Николаевной на подушечке, которую посетитель яснополянского дома всегда может увидеть в спальне Толстого). А 10 апреля 1907 года он писал сестре: «Поклонись от меня твоим монашкам. Помогай им Бог спастись. В миру теперь такая ужасная, недобрая, глупая жизнь, что они благой путь избрали, и ты с ними... Твой брат и по крови и по духу – не отвергай меня».

Продолжение следует.

Н. Г. ЖИРКЕВИЧ-ПОДАЕССКИХ,
исследователь, публикатор наследия
и внучка А. В. Жиркевича,
лауреат Горьковской литературной
премии 2011 г. за книгу
А. В. Жиркевича «Встречи
с Толстым. Дневники. Письма».
Автор благодарит
Александру Мясникову
за помощь в работе

кто-то – на сторону его жены. Но у каждого из них была своя правда. Житейская – у матери семейства, а Толстой видел дальше и выше, и, если бы родные отпустили его в 1875 году, как он того хотел, может быть, не дошли бы до таких размеров страсти, раздиравшие семью в последующие годы. Ведь с незапамятных библейских времён все пророки жили в уединении, вдали от людей. Трагедия же Толстого заключалась и в том, что он не мог согласовать свою жизнь с тем, чему учил. Он физически ощущал «роскошь» Ясной Поляны, (которой, впрочем, и не было). Ему стыдно было перед крестьянами, и он косил сено для вдовы, а затем с друзьями крыл крышу у крестьянки Анисьи Копыловой. А работа Толстого «на голоде» 1891–1893 годов, разразившемся в центральных областях России?! Гибли целыми семьями, правительство принимало меры, но они были недостаточны! Как мало освещался в нашей литературе этот подвиг уже немолодого человека! Бесчисленные часы (осенью и зимой) в открытой колеске, бесчётные дни, проведённые в голодающих деревнях, где он вникал во все подробности бытовых проблем крестьянских семей, и, одновременно – работа над статьями о разразившемся голоде, столь жёсткие, что они запрещались цензурой и лишь

именно Толстой сообщил, что во время голода самая выгодная каша – пшённая, так как увеличивается в объёме в четыре раза). Когда Софья Андреевна опубликовала в «Русских ведомостях» призыв жертвовать на голодающих, на имя семьи Толстого из России и со всего мира хлынул поток денег. Толстому доверяли больше, чем разным государственным и общественным организациям.

Всё решительнее Толстой признаёт право на существование лишь за той литературой, которая призывает людей к нравственной жизни. Меняется и его отношение к собственным прошлым произведениям. Несколько раз он говорит, что с удовольствием съёл бы «Анну Каренину». Меняется его отношение и к писателям. Читателя могут ошеломить суждения Льва Николаевича о литературе и искусстве, высказанные Жиркевичу во время его первого посещения, в которых Толстой даёт жёсткую оценку творчеству Достоевского, Тургенева, Фета, Мопассана, о других авторах, до сих пор составляющих гордость всемирной литературы. Но здесь не всё так просто. Вот что пишет на этот счёт литературовед А. И. Шифман во вступительном слове к воспоминаниям секретаря Толстого Н. Н. Гусева «Два года с Л. Н. Толстым»:

«Сам Толстой предупреждал, что не всякое случайное, мимо-